

Вызовы времени архитектурной науке

И.А.Бондаренко, академик РААСН, почетный архитектор России

Challenges of Time to Architectural Science

I.A.Bondarenko, academician of the RAACS, honored architect of Russia

От уровня интеллектуального развития напрямую зависит международный имидж и конкурентоспособность России, как и любой другой страны современного мира. Это общее утверждение не вызывает сомнений. Другое дело, что за ним кроется множество разноречивых суждений по поводу науки, образования, культуры, искусства и новейших технологий. Не претендуя на абсолютную полноту раскрытия всех аспектов темы, я хотел бы сосредоточить внимание на архитектурной, прежде всего, историко-теоретической науке, её состоянии, задачах, приоритетах и степени её влияния на творческую практику.

В 1930–1950-е годы эта наука была авторитетной и престижной. Ей занимались широко образованные специалисты, собранные в Кабинете истории и теории архитектуры Всесоюзной академии архитектуры, на базе которого в 1944 году был учреждён специализированный научно-исследовательский институт (впоследствии НИИТИАГ РААСН, ныне филиал ЦНИИП Минстроя России). Ни в коем случае не умаляя значение созданных тогда трудов, некоторые из которых и сегодня вызывают восхищение, следует заметить, однако, что их практическая востребованность не была самопроизвольной. Она предопределялась весьма жёсткой целенаправленной государственной идеологией, распространявшейся на архитектуру и градостроительство.

Хрущёвская реформа демонстративно порвала линию поступательного освоения классического архитектурного наследия. Опять жёсткая, но иная идеология определила новые приоритеты исследований и практики архитектурного проектирования. И всё же накопленный интеллектуальный потенциал не был уничтожен. Осуждённый за пропаганду украшательства Институт теории и истории тем не менее избежал ликвидации благодаря признанию необходимости продолжения его работы над двенадцатитомником по всеобщей истории архитектуры (об этом свидетельствует реакция на письмо тогдашнего директора института Н.П. Былинкина).

Можно констатировать произошедшее в тот момент обособление фундаментальной архитектурной науки от практики. Особенно науки историко-архитектурного и общетеоретического профиля. Это стало ещё более отчетливо ощущаться в 1970–1980-е годы, когда функционировала прикладная типологическая наука, обслуживавшая и направлявшая проектный процесс в целой системе централь-

ных и зональных отраслевых государственных научно-исследовательских и экспериментально-проектных институтов.

Во время перестройки все эти институты были акционированы и перестали выполнять свои головные функции, распределённые прежде строго по определённым типам зданий и сооружений. Руководство ЦНИИЭП гражданскостроя тогда сочло целесообразным вообще отказаться от сельской специализации для того, чтобы беспрепятственно добывать любой «подножный корм». Очень скоро практикующие архитекторы почувствовали ослабление своих профессиональных позиций из-за исчезновения былой систематической прикладной науки.

А она не могла больше существовать не только по причине отсутствия бюджетного финансирования, но и потому, что возобладали рыночные, то есть непрофессиональные, интуитивно-волюнтаристические и конъюнктурные механизмы принятия принципиальных проектных решений. Это принесло известные положительные сдвиги в сфере раскрепостившегося архитектурного творчества, но вместе с тем лишило эту сферу внутренней слаженности, устойчивости и уверенности в своей правоте. Архитектуру и градостроительство захватила сомнительная эйфория вседозволенности и непредсказуемости. Российские реалии при этом причудливо переплелись с мировыми постмодернистскими трендами.

Таким образом, деградирующая прикладная наука бросила вызов науке фундаментальной, призванной утверждать основы и перспективы закономерного развития архитектурно-пространственной среды жизнедеятельности человека и общества. А как себя почувствовала и повела эта наука?

В период ослабления идеологического прессинга и одновременно подъёма прагматичной «ЦНИИЭПовской» науки фундаментальные исследования в области теории и истории архитектуры и градостроительства получили возможность достаточно свободно и успешно саморазвиваться. Хотя при этом их влияние на принятие практических проектных решений не увеличивалось, а даже уменьшалось. Причины тому было две: амбициозность специалистов-прикладников, придававших своим разработкам как бы фундаментальный, научно-обоснованный, нормативный характер, и всё больший уход историков и теоретиков в «свободное плавание» по просторам широкого гуманитарного и междисциплинарного знания.

Родившийся в этом «плавании» средовой подход принёс всё же ощутимые практические плоды, особенно в сфере сохранения архитектурного наследия и реконструкции исторически сложившейся городской среды. Труды историков

архитектуры и защитников наследия помогли ослабить монополизм модернистской стилистики. Однако нельзя сказать, что в ходе перемен была выстроена новая стройная система взаимосвязанного функционирования фундаментальных исследований, прикладных разработок и проектных поисков. Исследователи были поглощены поиском новых знаний и значений, углублённым осмыслением и переосмыслением прежних постулатов, а практики – решением насущных архитектурно-градостроительных задач в зависимости от места и исходя из запросов и материальных возможностей инвесторов. К тому же большая архитектурная наука стала слишком сложной для них, а актуализированная прикладная – не беспорной и не очень обязательной.

Смягчение, а потом и снятие идеологических запретов стимулировало естественные порывы историков и теоретиков к проникновению в сферу культурных смыслов, философских и религиозных основ архитектурного формообразования. Развитие искусствоведческого и культурологического подходов к изучению архитектуры и градостроительства всё больше отдаляло учёных от практиков.

Особенно заметно это проявилось на рубеже 1980-1990-х годов, когда по инициативе руководства Отделения литературы и языка Российской академии наук (ОЛЯ РАН) НИИТАГ (тогда ВНИИТАГ) был включён в коалицию институтов, работающих под научно-методическим руководством этого отделения. Таковым был ответ на вызовы времени, выдвигаемые большой гуманитарной науке. Весьма знаменателен тот факт, что до создания РААСН (1992) ставился и находил понимание у руководства Академии наук вопрос о переводе указанного института из Минстроя России в ОЛЯ РАН.

Оказавшись в ведении РААСН, институт всё же вплоть до начала 2000-х годов оставался под опекой ОЛЯ РАН. Это очень поддерживало его академический дух, который нужен и для самой архитектуроведческой науки, стремящейся в своём развитии приобщиться к науке большой, и для отрасли, претендующей на повышение профессионального уровня и одновременно общественного признания.

При этом, как видно из вышеизложенного, и большая наука сигнализирует о своей заинтересованности в нашей, отраслевой науке, делает ей более или менее активные предложения. В самом деле, история, археология, искусствоведение, этнология, фольклористика, социология, философия, культурология, психология, география, экология, экономика и другие науки не могут успешно развиваться без квалифицированного освоения архитектурных и градостроительных явлений и процессов. На этом поприще предстоит ещё многое сделать.

Увлечённо занимаясь историко-теоретическими исследованиями, мы часто думаем о том, что вновь добытые сведения и наши новые мысли будут полезны лишь в дальнейшем, на следующих витках развития науки, образования и творческой практики. А сейчас – мгновенно – они просто не могут быть усвоены и приняты всеми. Их надо ещё обдумать, перепроверить, пережить нам самим. Чтобы оценить их, надо быть

хорошим специалистом в соответствующей области. Никакие курсы повышения квалификации не способны решить эту проблему по-настоящему. Они могут даже навредить поспешностью и легковесностью. Поэтому и возникает известный упрёк в адрес академических учёных – они, дескать, занимаются вещами, интересными им одним, далёкими от практического применения и не сулящими экономического эффекта. Спорить с этим невозможно. Надо честно признать, что очень многие научные новации даже в далёкой перспективе не станут инновациями и не дадут прибыли. Зато они могут значительно повысить качественный уровень архитектуры и градостроительства.

В том и состоит важнейшая задача современности: поднять на более высокий уровень качество жизни, а значит, качество создаваемой архитектором искусственной среды. Точнее, полусинтетической, полустественной, как обычно это бывает. Что для этого надо сделать? Без всестороннего анализа проблему не решить. Не справится по-настоящему даже самое квалифицированное «научное сопровождение проекта», то есть организованная экспертно-консультативная помощь практикующим архитекторам. Не справится в силу своей служебной, вспомогательной роли и заведомой компромиссности.

Прикладные исследования и разработки очень помогают оптимизировать и совершенствовать то, что есть и продолжает существовать по инерции. Новации же принципиального характера апеллируют к фундаментальным основам миропонимания. Поэтому можно сказать, что большие вызовы нашего времени, и, конечно, не только нашего, обращены не напрямую к строительной отрасли и захваченной ею практике архитектурного проектирования, а к архитектурно-градостроительной науке, в первую очередь, к фундаментальной, историко-теоретической, мировоззренческой её составляющей.

Западные архитекторы отличаются умением придать своим творческим замыслам концептуальную глубокомысленность и оригинальность. Иногда это кажется данью моде, рекламным ходом, но при всём том в их работах обозначается связь с философией, высокой наукой и поэзией, находящимися далеко за пределами собственно профессиональной сферы. В нашей стране такого нет. Виною тому продолжавшийся многие годы диктат диалектического и исторического материализма при строгой цензуре, не допускавшей субъективных волеизъявлений, тем более в такой социально важной сфере, как строительство. Вместо субъективных концептуальных поисков, чреватых обвинениями в ревизионизме и идеализме, архитекторам предлагалось следовать научно разработанным и официально санкционированным «Основам теории советской архитектуры», над которым упорно трудился всё тот же институт теории и истории архитектуры.

Сегодня ни у кого не вызывает удивления, что этот показательно-фундаментальный труд не принёс ни славы разработчикам, ни пользы проектировщикам. Однако вспоминать о нём приходится в связи с тем, что захлестнувший нас плюрализм частных мнений породил ответную реакцию,

которую можно назвать новым вызовом архитектурной науке, заключающимся в ожидании от неё внятных и обоснованных постулатов общего, генерального тренда развития архитектуры и градостроительства России на обозримую перспективу.

Этот вызов достаточно очевиден, но ответить на него сегодня чрезвычайно трудно. Раньше основную ответственность за достоверность ответа на подобные вызовы брали на себя политическая власть, государственная идеология, религия. Архитектурной науке при всей её амбициозности отводилась все же посредническая роль. Сейчас этого нет, или почти нет. Следовательно, теории архитектуры предоставляются шансы дотянуться самостоятельно до уровня подлинной философии жизни.

Ситуация уникальная именно в связи с отсутствием квази-архитектурного образа будущего. Стоит самая общая и довольно противоречивая задача динамичного и в то же время устойчивого экономического, научно-технологического и социально-культурного развития России, которая должна, не отгораживаясь от мирового сообщества, сохранять свою самобытность. И не должно быть ложных иллюзий и утопических прожектов. При этом надо поддерживать политэтничность и поликонфессиональность нашей страны с её федеративным устройством и природным многообразием.

Перед нами, по сути дела, модель всего земного мира, где соседствуют, взаимодействуют и наслаиваются друг на друга самые разные традиции, стили жизни и образы среды. Модель эту не следует упрощать, огрублять, подчиняя конъюнктурным приоритетам. Она должна быть демократической по своему существу, но хорошо упорядоченной, согласованной, умиротворённой. Пока политики, военные и экономисты заняты устранением острых конфликтов, архитекторы должны отрабатывать способы именно мирного гармоничного обустройства жизни человеческих сообществ на нашей планете.

На этом пути возникает масса больших и малых вызовов, ответить на которые нелегко. Как сделать так, чтобы «волки были сыты и овцы целы»? Огромной проблемой является защита от чрезмерной антропогенной нагрузки самой земли, природных ландшафтов, биосферы. Эту проблему нельзя считать чисто технической, инженерной. Новейшая архитектура всей своей пластикой и образностью непременно должна выражать почтение к природному окружению, так же как и к сложившемуся исторически культурному контексту.

Почему следует принять такой императив? Потому что он направлен на избавление от пагубного эгоцентризма. Если мы заменим давний лозунг «всё на благо человека!» на такой, где во главу угла ставится планета Земля, то у нас появится платформа для решения не только насущных экологических, но и социальных, и функциональных, и собственно архитектурно-градостроительных проблем.

Проще, конечно, обходиться без столь высоких претензий. Но профессия архитектора такова, что ему волей-неволей приходится всякий раз принимать решения по принципиальным, основополагающим вопросам организации пространства

и его функционального наполнения в определённом месте и в определённое время. Другое дело, что рядовой проектировщик чаще всего следует образцам и предписаниям, поступающим от заказчика, снимая с себя львиную долю ответственности за происходящее. Однако заказчик тоже не может по-настоящему отвечать за принимаемые по его инициативе архитектурные и градостроительные решения в силу своего непрофессионализма. Что же получается?

Есть пирамида, вершиной устремляющаяся ввысь, но теряющая там сущностную связь с тем, что происходит внизу, а именно: с архитектурным проектированием и строительством. Управление практической деятельностью получается некомпетентным, но тем более безоглядным и недальновидным. Такое положение дел бросает вызов фундаментальной архитектурно-градостроительной науке, которая по своей сути имеет стратегическое значение. Этот вызов останется без ответа, если будет продолжаться та же политика приземления архитектуры до обычной сферы услуг. Стройбизнес сегодня подминает и подменяет собой необходимое архитектурное руководство стройкомплексом. От этого страдают не только наши застроенные и незастроенные территории, но и сама профессия архитектора и градостроителя, теряющая престиж и авторитетность.

Чем ответить на этот вызов времени? Прежде всего, максимальным прояснением вопроса, раскрытием причин и следствий произошедшего и длящегося. Одновременно надо готовить профессионалов высокого полёта, способных брать на себя разработку больших теоретических и жизне-строительных вопросов. Пусть властные полномочия остаются не у них, но им должна принадлежать прерогатива подготовки обоснований принимаемых решений. Так как на этом уровне речь идёт не о конкретных архитектурных проектах, а о концепциях и стратегиях развития территорий и поселений, то здесь нужны не столько архитекторы-практики, сколько архитекторы-учёные.

Чем выше уровень задач, тем труднее даются их решения. Не следует думать, что большие специалисты могут легко расставить все точки над «і». Все течёт, все изменяется, поэтому приходится иметь дело с уравнениями, включающими множество неизвестных. Это обстоятельство тем более понуждает обращаться к высоким профессионалам, которые только и способны видеть сложность проблем, ориентироваться в этой сложности, моделировать процессы, улавливая содержащиеся в них интенции и перспективные тренды, отыскивать пути движения к лучшему. Без таких осмотровительных и умудрённых обширными историко-теоретическими знаниями профессионалов мы обречены на жизнь вслепую по методу случайных проб и труднопоправимых ошибок.

Становится достаточно ясно, что в авангарде исторического движения может стоять только гуманитарная наука. Это априори не точная наука, которая не устанавливает твёрдых законов и правил на все времена. Скорее наоборот, её прерогатива – улавливание пульса времени и перемен

в ходе истории. Она ведёт как бы разведку будущего. Кстати, естественные науки тоже имеют в авангарде своего развития интуиции, гипотезы и просто фантазии. Иначе развития не получается. Для творческих поисков требуется воодушевление. Архитектурное проектирование немислимо без такого воодушевления, ведь оно начинается не с материального «базиса», а с идеальной «надстройки», вернее, с рождения поначалу туманных, а потом всё более конкретных представлений и образов, реализуемых в дальнейшем.

Итак, архитектурная наука живёт и развивается постольку, поскольку отвечает на вызовы времени. Чем больше претензий возникает к современной архитектурно-градостроительной практике, тем актуальнее становится обращение к науке, призванной, во-первых, исследовать причины происходящего, а, во-вторых, подсказывать способы и направления выхода из сложившейся ситуации. Наша насущная задача заключается в том, чтобы восстановить доверие к архитектурной и градостроительной науке, сильно пошатнувшееся из-за надления её преимущественно обслуживающей функцией.

В такой функции тоже есть смысл, а именно: смысл поиска приемлемых компромиссов и посильного улучшения того, что есть. Но этого явно недостаточно. Необходимо выстраивать целостную цепочку профессиональных знаний и умений, которые должны, сохраняя свою специфичность, тем не менее, не полностью замыкаться в себе, а встраиваться органично в окружающий контекст, в сферу общественных интересов, живо реагировать на них, устанавливать прямые и обратные связи с ними.

Особенно важно уяснить, что творческая составляющая архитектурного и градостроительного проектирования нуждается отнюдь не только в регламентах, нормативах и предпроектных изысканиях. Пищей для нее в большей мере являются именно фундаментальные исторические и теоретические исследования, формирующие само мировоззренческое и концептуальное мышление архитектора. Сегодня практике их недостаёт, и она более или менее осознанно делает такой вызов науке. В свою очередь фундаментальная наука предъявляет свои претензии к проектной практике и бросает

ей ответный вызов: затормози свой бег, посмотри на себя критически и обратись ко мне за вдохновением и советом!

Такого рода вызовом предопределялось в своё время создание и Академии архитектуры СССР, и РААСН. Этот факт подтверждает резонность высказанных соображений. Однако мы ещё не достигли должных практических результатов на данном поприще. Резкое снижение статуса некогда головного НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства, произошедшее в результате недавней реформы государственных академий наук, затруднило получение адекватного ответа на этот вызов.

Нельзя не признать, что наибольшая востребованность историко-архитектурной науки наблюдается в сфере сохранения, реставрации и приспособления для современного использования объектов культурного наследия, что естественно. И всё же в этой области тоже наблюдается расхождение между высокой наукой и конъюнктурной прагматикой. Новые проектные решения идут зачастую вразрез с результатами исторических обследований, а должны непременно исходить из них. Опорным планам надлежит быть высокочтимыми документами, не только защищающими сохранившиеся архитектурные и природные ценности, но и предопределяющими стратегию и тактику реконструкции и развития сложившихся поселений. Многим кажется, что это не реально. Однако надо старательно выстраивать позитивную тенденцию. Если, например, наделять правом вето старожилов и охранителей наследия, то перемены к лучшему не заставят себя ждать, хотя новых трудностей возникнет, конечно, немало.

Безусловно, требуется повышение статуса и полномочий архитектурно-градостроительной науки. Надежда на прогресс в этом направлении существует постольку, поскольку существует соответствующий вызов социума тем, кто создаёт среду для его жизни и деятельности. Хорошим сигналом в этом отношении надо признать начавшуюся проработку вопроса о повышении статуса государственных академий наук. Учёные не должны подменять практиков, но они должны иметь достаточно полномочий, чтобы действенно помогать им в делах благих и препятствовать – в неблагоприятных.